

Т.И. Щербакова

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО НЕНЦЕВ НА РЕКЕ НУМГИ: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

В основу статьи положены материалы коллекции культовых предметов надымских ненцев, собранные И.Ф. Скачковым в 1937 г. в Ямало-Ненецком округе по заданию Центрального антирелигиозного музея Москвы (далее — ЦАМ). В 1946 г., после закрытия ЦАМа, все материалы, включая и коллекцию И.Ф. Скачкова, были перевезены в Ленинград в Музей истории религии, где и хранятся до настоящего времени.

За все эти годы коллекция, насчитывающая 118 единиц хранения, никогда в полном объеме не изучалась, не экспонировалась и не публиковалась. В документах сохранились лишь некоторые данные, касающиеся командировки И.Ф. Скачкова в Ямало-Ненецкий округ «для изучения религиозных верований народов Севера» и сбора культовых предметов у ненцев и хантов [Акт № 101 от 19/X. 1937 г.]. Официальный характер поездки обеспечил И.Ф. Скачкову поддерж-

ку местных властей и органов НКВД, что оказалось весьма существенным для получения сведений о расположении священных мест и возможности до них добраться.

Помощь И.Ф. Скачкову была оказана и при вывозе материалов в Москву. Коллекция, привезенная им из Ямало-Ненецкого округа, предназначалась для новой экспозиции Центрального антирелигиозного музея, который в 1937 г. переехал из Страстного монастыря в здание церкви по Каляевской улице¹, 23. В новом помещении предполагалось расширение раздела по «первобытным верованиям и религиям исторических народов древности», для чего, скорее всего, и приобретались новые материалы [Тарасова. Справка о ЦАМ]. Эти уникальные вещи, характеризующие традиционную культуру и верования ненцев первой трети прошлого века, были изъяты с трех священных мест. Об этом стало известно благодаря сохранившимся записям И.Ф. Скачкова, которые он делал во время своей поездки [Опись И.Ф. Скачкова, приложенная к акту № 101 от 19/X. 1937 г.].

Название каждого предмета сопровождалось указанием на его положение в комплексе, что явилось хорошей основой для документальной реконструкции разрушенных святилищ². Более того, упоминание в записях некоторых географических названий позволило конкретизировать район их расположения: это низовья рек Надым и Ныда у побережья Обской губы.

Однако И.Ф. Скачков, записывая со слов информаторов, на слух, и не владея местными топонимами, допустил ряд искажений. Так, название р. Нумги было записано им как «Нунги», а название р. Хабьяха как «Хамбияга». Правильным оказалось только упоминание им села Шуга на берегу Обской губы, вблизи которого находилось известное святилище надымских ненцев Святой Мыс, связанное с именем их легендарного духа-покровителя Мархы [Хомич 1971: 241]. Это было очень крупное по площади святилище с множеством

¹ Сейчас улице возвращено ее прежнее название — Долгоруковская.

² Следует отметить, что кроме полевой описи И.Ф. Скачков написал и «Подробный Отчет» по результатам поездки, на который неоднократно ссылался в своих записях, например, на с. 4: «Особые наблюдения: возможно, после смерти собственника идол был передан в избу шамана. См. Отчет». Вероятно, этот отчет содержал развернутые описания разрушенных святилищ и более содержательные комментарии информантов, но обнаружить его в архивах пока не удалось.

приношений, оставленных Мархы в качестве дара, но И.Ф. Скачков взял отсюда лишь несколько жертвенных узелков. Есть основания полагать, что у собирателя была установка на изъятие культового комплекса целиком с целью его дальнейшего воссоздания в музейном интерьере. Для этого комплекс должен был быть достаточно компактным и небольшим. Святой Мыс для этого не годился. Но таким требованиям в полной мере отвечали показанные И.Ф. Скачкову два других жертвенных места, материалы которых и составили основу его коллекции.

Первое из этих мест в записях И.Ф. Скачкова обозначено как «культовая избушка шамана Хыльча на реке Хамбияга»¹. Среди материалов коллекции сохранился акварельный рисунок, на обратной стороне которого почерком собирателя это название повторяется почти дословно: «И.Ф. Скачков. Избушка шамана Хыльча у реки Хамбияга (Надымский район, Ямало-Ненецкий округ)». Вероятно, эта акварель была выполнена самим И.Ф. Скачковым, который по профессии мог быть художником². Собиратель писал, что после смерти шамана в эту «избушку» были помещены все его шаманские принадлежности. Действительно, для ненцев, северных хантов и манси было характерно ставить небольшие срубы на столбах в культовых местах, находившихся обычно далеко и труднодоступно. Часто хранителями таких мест были шаманы. Иногда подобные

¹ Существует предположение, что «избушка шамана Хыльча» могла находиться на р. Хамбаяха. Эта река упоминается Л.В. Хомич в связи с легендой о духе-покровителе надымских ненцев Мархы, убившем стрелой злого великана, который хотел погубить людей. Мархы выпустил стрелу в великана, находясь в районе среднего течения р. Надым. По другой версии, великана застрелила из лука хозяйка р. Хамбаяха [Хомич 1971: 241]. Обе версии легенды принадлежат надымским ненцам, соответственно среднее течение Надыма и р. Хамбаяха относились к их родовой территории. Комплекс же шамана Хыльча, по мнению старшего научного сотрудника Российского этнографического музея (СПб.) И.А. Карапетовой, во многом напоминает хантыйский.

² Об И.Ф. Скачкове известно крайне мало, нет даже расшифровки его инициалов. Из документов следует, что кроме Ямало-Ненецкого округа собиратель съездил еще на Камчатку, откуда также привез небольшую коллекцию для ЦАМа. Устройство на договорных началах в музеи или экспедиции давало человеку возможность побывать в интересных для него местах. Известно, что такая практика являлась весьма распространенной в 1930-е годы.

срубы называли лабазами, а у северных манси был специальный термин *сумьях* — культовый амбарчик [Гемуев, Сагалаев 1986: 18, рис. 13].

Нет сомнения, что без сопровождающих лиц И.Ф. Скачков никогда бы не нашел этого священного места. Внутри «избушки» находился остроголовый идол высотой 60 см, называемый информантами *сядэй*. Следует отметить, что всем изображениям духов, какими бы они ни были, сопровождающие давали одно и то же название — *сядэй*. Это определение происходит от ненецкого слова *ся* 'д — лицо, личина. Данный *сядэй* был «в рубашке и завернут в сукно, опоясан пояском с кольцами». И.Ф. Скачков дает уточнение: «Сукно, в которое завернут идол, — одежда идола».

Рядом с ним стоял деревянный ящик, «покрытый кусками сукна разных цветов», на котором лежали два шпаги европейского образца и тесак. О шпагах написано следующее: «Шпаги (рыцарские, европейские). Назначение: атрибут шамана. Камлал на шпагах, принесены в жертву» [Опись Скачкова 1937: 5]. К одной из шпаг была привязана тесьма от сапог, на которой были медное кольцо и кожаный ремешок. К другой шпаге был привязан шнурок для заплетания кос тоже с кольцом и ремешком из кожи оленя. Этими небольшими, но смысловыми и значимыми для шаманского мировоззрения дополнениями Хылнча преобразовал шпаги для использования в своей ритуальной практике. О тесаке сделаны примерно те же замечания, что и о шпагах: «Тесак (нож) — атрибут шамана. Возможно, шаманил не на бубне, а на ноже» [Там же: 5].

К сожалению, всех этих трех экспонатов в ГМИР уже нет. В 1957 г. они были изъяты из коллекции и переданы в постоянное пользование Белорусскому государственному музею истории Великой Отечественной войны [Акт № 33/2 от 9.III.1957 г. МИР АН СССР].

В самом ящике помещались более мелкие атрибуты шамана Хылнча, представленные достаточно разнообразными предметами. Замечания И.Ф. Скачкова о них, основанные на пояснениях информантов, столь же лаконичны и предположительны, как и предыдущие. Об их подлинном значении и назначении мог знать только сам шаман Хылнча. Неопровержимо здесь только одно: духи-помощники

шамана вместе с его вещами остаются с хозяином навсегда, а значит, и после смерти. Обозначим некоторые из этих атрибутов.

В ящике представлена серия связок с оловянными фигурками духов-помощников, которых собиратель называет идолами. Одна из связок, состоящая из четырех оловянных фигурок размером от 3 до 7 см, двух ножей и одного перстня (А-588-1), имеет следующий комментарий: «Назначение: домашние идолы. Примечание: означенные предметы связаны в один узелок и смазаны жертвенной кровью» [Опись Скачкова 1937: 6]. Другая связка представляет собой красный шнур с медным кольцом и оловянным топориком, к которому привязаны три оловянных фигурки с намеченными руками и ногами (Б-297/1, 2-1. Фонд тканей). У третьей связки основой также является красный шнур, к которому привязаны две медные цепочки длиной 29 и 33 см (Б-284-1. Ф.т.), а также оловянное изображение высотой 8,5 см, напоминающее по форме оленя со спящими вместе рогами (Б-300-1. Ф.т.).

Несколько оловянных фигурок из ящика шамана Хылнча представлены вне связок. Первая, высотой 6 см, «с руками и ногами перевязана красным шнуром» (А-541-1), другая изображена с необычайно утрированным фаллосом (Б-309-1), а третья, высотой 3,5 см, представляет собой одну голову «с намеченными отверстиями глаз и выступом носа» (А-580-1).

Все эти оловянные духи-помощники шамана Хылнча характеризуются И.Ф. Скачковым как «домашние», но такое определение, скорее всего, ошибочно. Известно, что оловянные отливки, схематично передающие очертания человеческой фигуры, чаще всего являлись духами-помощниками шаманов, причем формы для отливки они всегда вырезали сами. Шаманы стремились зримо воплотить те образы духов, которые возникали в их видениях, поэтому формы и очертания оловянных отливок не только условны, но порой и очень оригинальны. Общаясь с духами-помощниками, шаман всегда благодарил их за помощь и смазывал жертвенной кровью, хотя то же самое можно сказать и о домашних духах. В любом случае, для уверенных суждений о назначении данных изображений у нас нет никаких оснований.

В ящике находились два небольших деревянных изображения духов с медными накладками на лице (А-545-1; А-591-1). И.Ф. Скач-

ков называет их «идолами сядэй с покрышкой на лице» [Там же: 5]. К сожалению, медные накладки утрачены, об их существовании известно только из записей собирателя и записей в книге учета ЦАМ. Как и положено духам, эти фигурки высотой 30 и 35 см когда-то были одеты, но одежда сохранилась только на одной — это курточка из кожи с капюшоном, подвязанная красным шнуром, на котором подвешено медное кольцо. На другой фигурке, согласно описаниям, «была надета рубашка желтого сукна и верхняя одежда красноватого сукна».

Точное назначение духов с медными накладками на лице неизвестно. Но, возможно, они относятся к духам *нгытырма* или *сидряг*, которые, по представлениям местного населения, являлись заместителями (двойниками) умерших людей. У таких изображений лицо всегда закрывалось маской или пластинкой, а иногда вместо лица просто вставлялась металлическая пуговица. Не исключено, что в ящике представлены изображения умерших предков шамана Хылнча.

Был еще «сядэй из трухлявого дерева» высотой 50 см, выполненный в характерной для этого района традиции: с заостренной головой, грубо намеченным лицом и носом в виде естественного сучка (ЦАМ. № 24 192). О назначении данного сядэя у И.Ф. Скачкова ничего не сказано, но, судя по его сохранности, это мог быть дух-страж, находившийся раньше вне жилища шамана. После смерти Хылнча вместе с другими духами он был помещен в ящик. Возможно, из-за плохого состояния данный экспонат мог быть списан, но подтверждающего акта не обнаружено.

Наряду с оловянными и деревянными изображениями, в ящике было изображение духа, выполненное из красного сукна (А–592–1. Фонд тканей). И.Ф. Скачков называет его «домашним сядэем с украшениями, шнуром и кольцами». В книге поступлений ЦАМ уточняется, что у этого идола высотой 9 см на голове сохранились следы кормления кровью, а на плечах и спине были прикреплены три медные гнутые проволоочки (ЦАМ. № 24 173). Есть в ящике и сядэй, для создания которого была использована галька антропоморфной формы. Это каменный дух-помощник шамана Хылнча (А–597–1). Согласно записям собирателя, он был опоясан «цепочкой с подвесками татарского происхождения», но в 1939 г. эта цепочка была изъята из коллекции [Акт 117 от 10/II.39 г. ЦАМ].

Среди атрибутов шамана Хылнча было довольно много металлических цепочек с подвесками или без, но большая их часть оказалась утраченной. Заслуживает внимания «жетон с цепочкой», назначение которого отмечено как «жертва». Его описание, сделанное в книге поступлений ЦАМ, следующее: «Жетон бронзовый на медной массивной цепочке. С одной стороны, изображение женского профиля в венке, с другой — двуглавый орел, вокруг которого надпись: [неразборчиво]. Окружность жетона 4 см, длина цепочки — 22 см» (ЦАМ. № 24 168). О назначении этого предмета как атрибута шамана Хылнча можно только догадываться. Вероятно, этот жетон, так же как и шпаги, был приобретен шаманом по случаю, скорее всего, в результате обмена.

Металлические изделия пользовались особым почитанием у ненцев и хантов. Считалось, что металл, «вышедший из огня», обладал способностью очищать, поэтому любые металлические предметы являлись ценным даром и часто приносились в жертву духам. Для шаманов металлические изделия, особенно какой-то необычной или понравившейся им формы, могли быть не только «жертвой», но и иметь другое назначение, например быть деталью шаманского пояса или костюма.

К разряду несохранившихся экспонатов относятся еще две цепочки. В одном случае это «медная цепочка длиной 52 см с двумя подвешенными по краям медными круглыми жетонами с турецкой надписью». В другом — цепочка, имеющая «две медных подвески ромбовидной формы, ажурные. Внутри каждой 4 ромба». Отмечается, что размер этих ромбовидных подвесок 7×5 см и что к ним был привязан красный шнур (ЦАМ. № 24 172, 24 179).

В настоящее время в коллекции И.Ф. Скачкова представлены только две цепочки с ромбовидными подвесками, происходящие из ящика шамана Хылнча (А-542-1; А-540-1). Внутри одной из этих подвесок обозначена антропоморфная фигурка с расставленными руками и ногами. Есть также медная цепочка, к которой прикреплен кусочек шкуры от медвежьего хвоста (А-581-1). Вероятно, этот предмет (амулет) использовался шаманом Хылнча в лечебных целях. У ненцев был относительно слабо развит культ медведя, тем не менее как к бурому, так и к белому медведю у них было особое от-

ношение. Таким же оно было и к отдельным частям его туши: голове, лапам, клыкам, когтям, шкуре и даже просто следам [Лар 2003: 90–91]. Особенно высоко ценился клык медведя, который считался чудодейственным. Его прикрепляли к колыбели, чтобы оградить ребенка от болезней и испуга. Взрослым же клык помогал при болях в пояснице и способствовал заживлению ран. Охотники носили медвежий клык на поясе в качестве оберега [Хомич 1995: 130].

Из сохранившихся предметов следует отметить и так называемую подвеску шамана Хылнча, состоящую из связки трех предметов: массивного медного кольца диаметром 4 см, небольшого колечка с овальной печаткой с изображением птицы и металлической пуговицей (Б–274/1–3/–1). Как отмечал И.Ф. Скачков, для соединения всей этой связки, которую он называет «жертвой», использовался шнурок. Была ли это действительно «жертва» или просто подвеска, сказать сейчас трудно, но в любом случае эта связка являлась одним из многочисленных атрибутов шамана Хылнча.

В ящике находились два предмета, которые могли быть как-то связанными между собой, хотя это всего лишь предположение. Речь идет о фигурке оленя длиной 17,5 см (А–536–1) и ноже с костяной рукоятью (Б–311–1). Фигурка оленя была вырезана из тонкого металлического листа и затем окончательно оформлена путем сгибания надрезанных частей контура. Изображения такого рода встречаются среди духов-помощников шаманов в данном регионе. Иногда их называют *Сиув Пыелёта* — огненный олень. Обычно такой олень считался вожакom упряжки, на которой шаман мог ездить по всем землям и иным мирам. А огненным его называли потому, что он преодолевал все препятствия, в том числе и огонь [Там же: 52–55].

Что касается ножа, то, скорее всего, он имел ритуальное значение. Согласно традиционным представлениям народов Сибири, когда шаман отправлялся в опасные путешествия, особенно в нижний мир, где обитало множество злых и коварных духов, он должен был брать с собой оружие и, прежде всего, нож.

В книге поступлений ЦАМ сохранились сведения еще об одной фигурке оленя из медной пластинки с сидящим на нем всадником: «Медная литая пластинка высотой 9 см. Изображен всадник, сидящий на олене» (ЦАМ. № 24 158). И.Ф. Скачков называет этот предмет идолом сядэй и пишет, что назначение его неизвестно.

Очень интересны два платка, находившиеся в ящике среди вещей шамана Хылнча и, к сожалению, утраченные. Описание одного из них следующее: «Платок ситцевый, красный с прямолинейным узором по кайме. По углам пришиты четыре колокольчика» (ЦАМ. № 24 164). В записях И.Ф. Скачкова о нем сообщается: «Жертвенный, для одевания бога» [Опись Скачкова 1937: 5]. Другой «жертвенный платок» был атласным (ЦАМ. № 24 190). Использование термина «бог» явно выдает непрофессионализм собирателя. Данное понятие обычно не применяется в отношении традиционных верований.

Таким образом, благодаря записям И.Ф. Скачкова, из материалов коллекции удалось выявить шаманский комплекс с р. Хабияха и установить, что акварель, выполненная этим же собирателем, имеет к данному комплексу непосредственное отношение. Несомненно, что изъятие культовых предметов планировалось с целью воссоздания священного места в музейном интерьере, причем в том же природном окружении и в той же обстановке, как это было в действительности.

В 1930-е годы создание макетов в музеях исторического профиля было достаточно распространенным явлением, и об этом даже писали специальные статьи [Дракокруст 1935: 26–29]. Но достоверных сведений об использовании материалов И.Ф. Скачкова в довоенной экспозиции ЦАМа и их макетировании у нас нет. Не исключено, что в полной мере эти проекты так и не были реализованы: сначала этому помешала война, а затем музей и вовсе был расформирован. Частично планы удалось осуществить в Музее истории религии (СПб), куда коллекция поступила в конце 1940-х годов. Долгое время ее вообще не задействовали в экспозиционном пространстве, лишь спустя 60 лет материалы, собранные И.Ф. Скачковым, наконец, стали доступны для обозрения посетителям. Из двух комплексов, которые можно было воссоздать, предпочтение отдали не «избушке шамана Хылнча», а священному месту на р. Нумги. Его представили в музейном зале в виде макета, выполненного практически в натуральную величину.

Реконструкции священного места на р. Нумги была также основана на сведениях, имеющихся в записях И.Ф. Скачкова, где неодно-

кратно упоминается «жертвенное место кочевой стоянки на р. Нунги». Вероятно, именно такое определение он слышал от информантов. Краткие, но значимые для нас дополнения собирателя уточняют, что это святилище находилось «в тундре, на мысу р. Нунги».

Что же представляло собой это место, когда его увидел И.Ф. Скачков? Судя по его заметкам, святилище было совсем небольшим по площади, что косвенно подтверждается и количеством предметов, которые были оттуда изъяты. В центре святилища находилось деревянное изображение остроголового духа высотой 60 см, называемого сядэем, тулово его было окутано зеленоватым сукном и опоясано ремешком с кольцами. К сукну были прикреплены различные металлические изделия, являющиеся приношениями духу. Среди них отмечены пуговица, браслет, подвески, пряжка от пояса, колокольчики. Некоторые из колокольчиков лежали на земле. Здесь же лежали два ножа, точнее клинки от них, и «деревянная лопатка для отряхивания снега с меховой одежды» [Опись Скачкова 1937: 3].

Все эти предметы, по данным И.Ф. Скачкова, были «принесены в жертву». О центральном духе (в описи он значится под № 18) в особых наблюдениях говорится следующее: «Идол сядэй — постоянный культовый предмет, валялся на земле, обжигался во время камлания» [Там же: 2]. Рядом с ним лежали два обода от бубнов и рукояти от них. Отмечается, что это были не сами бубны, а именно оставшиеся от них обечайки (обода) и рукояти. Вероятно, к моменту посещения священного места в 1937 г. оно уже было заброшено и не функционировало длительное время. Об этом свидетельствует и положение идола № 18: он не стоял вкопанным в землю, как это обычно бывает, а «валялся».

Самым высоким предметом священного места на р. Нумги был шест, увенчанный изображением птицы и стоявший совсем неподалеку от центрального духа. Высота шеста составляла 2 м 85 см, в его средней части было вырезано изображение человеческого лица. Данная конструкция обозначена как «идол сядэй с изображением птицы». Далее по записям собирателя следует, что у ближайшего дерева, на котором висели две пары рогов молодых оленей, размещался еще один сядэй, обозначенный как «идол сядэй у дерева». И.Ф. Скачков не уточняет, был ли этот идол вкопан или просто

прислонен к дереву. Его остроголовая фигура высотой 108 см была сделана из обструганного ствола с несколькими сохранными сучками, обозначавшими нос идола и руки.

В культовый комплекс на р. Нумги входила *шайтаннарта* (священная нарта) с ящиком для перевозки домашних духов, но ни нарта, ни ящик не сохранились. В коллекции представлены только два небольших деревянных сядэя, которые находились в ящике и назывались «домашними», а также один плоский сядэй, когда-то прибитый к ящику. О шайтан-нарте у И.Ф. Скачкова сказано следующее: «Шайтан-нарта из 9-ти составных частей в комплексе найденных у идола № 18, а также ящик от нее, чтобы возить домашних идолов. Оставлена в связи с уходом на летние пастбища» [Там же: 3].

Примерно так, насколько можно судить по имеющимся данным, выглядело священное место на р. Нумги. Это одно из многочисленных святилищ, разбросанных когда-то по всей тундре. Как отмечает Л.А. Лар, отличительной чертой священных мест ненцев являлось то, что они находились на путях *касланий*, т.е. путях сезонных миграций оленьих стад [Лар 2003: 18–19]. Такие миграции происходили два раза в год: осенью — с сентября по октябрь, когда стада начинали откочевывать на юг, и в мае, когда они возвращались в тундру. Зимой олени питались ягелем, который выкапывали копытами из-под снега, и лишайниками, растущими на деревьях. Летом предпочитали траву, листья различных растений, ягоды и грибы. Как отмечает Г.П. Харючи, «основную категорию ненецких культовых мест составляют естественные природные объекты» [Харючи 2002: 157]. Это могут быть острова, какие-то выдающиеся места около промысловых угодий или морских переправ, нередко просто речной мыс.

Структура культовых мест ненцев практически не изменялась на протяжении веков. В качестве обязательных элементов отмечают изображение духа-хозяина, наличие жертвенного очага и общественного места. Наиболее значимым являлось отправление на святилищах промыслового культа, входящего в цикл календарной обрядности [Там же: 158]. Согласно традиционным представлениям ненцев, каждая местность имела своего духа-хозяина, с которым нужно было поддерживать добрые отношения, т.к. от его расположения

зависело здоровье и благополучие людей. Нарушение установленных правил и запретов в отношениях с духами-хозяевами влекло за собой многочисленные несчастья, болезни, эпидемии и стихийные бедствия. По сути, это означало хорошее знание природных особенностей данной территории, ее рыболовных и охотничьих угодий и оленьих пастбищ, от чего реально зависело благополучие людей. В то же время это свидетельство бережного отношения к природным ресурсам: «От даров природы брали ровно столько, сколько необходимо» [Лар 2003: 19]. Обычно дух-хозяин имел вид остроголовой деревянной фигуры, к которой люди обращались с просьбами, а в знак благодарности совершали обряд жертвоприношения. Образ такого духа-хозяина представлен и на р. Нумги.

Вероятно, это священное место посещалось одной или несколькими семьями во время сезонных перекочевок с оленями. Об этом свидетельствует и замечание И.Ф. Скачкова относительно священной нарты: она была оставлена на святилище рядом с духом-хозяином в связи с уходом на летние пастбища. По-видимому, этим можно объяснить и присутствие на святилище бубнов, которыми пользовались во время обрядов. Что означал высокий шест, увенчанный птицей с распахнутыми крыльями, сказать трудно. Возможно, здесь уместно предположение о воплощении мифической птицы «минлей», упоминаемой в работе Л.В. Хомич [Хомич 1995: 209], но оно требует более конкретных обоснований.

В заключение хочется отметить, что в последние годы в Ямало-Ненецком автономном округе ведется большая работа по выявлению и картированию священных мест. Ввод в научный оборот материалов коллекции И.Ф. Скачкова, а также представление в экспозиционном пространстве музея одного из двух священных мест, имеющих географическую привязку, можно рассматривать как некоторое дополнение к этой работе. Музейные фонды хранят еще много тайн.

Источники

Акт № 101 от 19/X.1937 г. — Отдел учета ГМИР. Акт № 101 от 19/X. 1937 г.: О поступлении коллекции И.Ф. Скачкова в Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ). Акты на поступления материалов в ЦАМ. 1937 г.

Акт № 117 от 10/II. 1939 г. ЦАМ. — Отдел учета ГМИР. Акт № 117 от 10/II. 1939 г. ЦАМ. Запись в Книге поступлений ЦАМ. 1937 г.

Акт № 33/2 от 9.III.1957 г. МИР АН СССР. — Отдел учета ГМИР. Акт № 33/2 от 9.III. 1957 г. МИР АН СССР.

Опись И.Ф. Скачкова — Отдел учета ГМИР. Опись И.Ф. Скачкова, приложенная к акту № 101 от 19/X. 1937 г. Акты на поступления материалов в ЦАМ. 1937 г.

Тарасова И.В. Справка о Центральном антирелигиозном музее (ЦАМ) // Личные материалы И.В. Тарасовой.

Библиография

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1986.

Дракокруст Е. К вопросу о месте макета и фигурного интерьера в обществоведческом (экспозиционном) комплексе // Советский музей. 1935. № 1. С. 26–29.

Лар Л.А. Культурные памятники Ямала. Хэбидья. Тюмень, 2003.

Харючи Г.П. Культурные места ненцев — священные ландшафты // Северный археологический конгресс: Тез. докл., 9–14 сентября 2002 г. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 157–158.

Хомич Л.В. О некоторых предметах культа надымских ненцев. Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века // Сб. МАЭ. Т. XXVII. Л., 1971.

Хомич Л.В. Коллекция МАЭ по этнографии ненцев // Сб. МАЭ. Т. XXXV. Л., 1980.

Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.

Список сокращений

ГМИР — Государственный музей истории религии

МИР АН СССР — Музей истории религии Академии наук СССР. Такое название было у ГМИР с момента основания в 1932 г. до 1961 г.